

Наталья Резанова

Крепость Спасения

*Часть сборника
Игра времен (сборник)*

Наталья Резанова

Крепость Спасения

«Автор»

1991

Резанова Н. В.

Крепость Спасения / Н. В. Резанова — «Автор», 1991

«Посольство подгадало в Дамгаль, Город городов Огмы, в базарный день, и шум, царящий за двойным кольцом городских стен, не поддавался описанию. За время долгого пути от разоренного Галара по процветающей Сердцевине посланцы Севера достаточно нагляделись на величину и многолюдство здешних поселений и уже не испытывали потрясения, однако Дамгаль, столица центральных областей Огмы, издревле именуемой Сердцевиной, суверенно владеющий также Южными землями Круга и Приморьем, превзошел все...»

© Резанова Н. В., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Часть первая	6
1. Город городов, посольство	6
2. Круг. Утро	14
3. Город. Разговоры и переговоры	16
4. Круг. Встречи	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталья Резанова

Крепость Спасения

© Н. Резанова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Обитаемый мир Огмы ограничен Пустыней Льда на севере,
Пустыней Песка на юге, горами на западе и Вечным морем на востоке.
Опоры мира – Меч Закона на севере и Крепость Спасения на юге, Храм
Неба на западе, опоры же моря не знает никто.
Из преданий Круга*

Часть первая

Крепость Проклятых, или Игра в превосходство

1. Город городов, посольство

Посольство подгадало в Дамгаль, Город городов Огмы, в базарный день, и шум, царящий за двойным кольцом городских стен, не поддавался описанию. За время долгого пути от разоренного Галара по процветающей Сердцевине посланцы Севера достаточно нагляделись на величину и многолюдство здешних поселений и уже не испытывали потрясения, однако Дамгаль, столица центральных областей Огмы, издревле именуемой Сердцевинной, суверенно владеющий также Южными землями Круга и Приморьем, превзошел все. Но хотя из зевак, собравшихся поглазеть на посольство, можно было собрать добрую армию для похода на Керту, Тевтат, высокородный глава посольства, понимал, как ни оскорбительно было сие для его самолюбия, что эти люди – не более чем праздные любопытствующие, и город принимает посланников Галара без всякой пышности.

Толстяк, разряженный с непристойной для мужчины пестротой и назвавший себя Пару, законоговорителем Верховных Коллегий, встретил их у Северных ворот. Пыхтя и переваливаясь, он вылез из носилок, несомых четырьмя угрюмыми обломами, и произнес речь, к которой Тевтат не прислушивался. Первоначальный единый язык Огмы за века разделения по-своему изменился в каждом краю, но все уроженцы различных уделов Огмы могли понимать друг друга. При желании, конечно. У Тевтата такового желания не было, хотя он уже немного привык к говору Сердцевины.

Затем толстяк снова влез в носилки, и посольство двинулось в город. Кроме скорохода с гербом Дамгаля на груди, бегущего впереди процессии, свиты у Пару не было – если не считать носильщиков. Толстяк, любезно улыбаясь, плыл в носилках по правую руку от Тевтата. По левую трясся на своей кляче мошенник Ассари – проводник и переводчик. Это было вопиющее нарушение обычая – Ассари полагалось ехать в хвосте, но Тевтат намеренно поправил этикет. Самое обидное, что Пару, кажется, даже не заметил, что его оскорбляют. За спиной посла ехали ближние рыцари – капитаны обеих рук Анарбод и Гриан, а далее – все прочие: благороднорожденные, простые ратники, конюхи, повара и прочая обслуга, всего числом до семидесяти. Нелегко было собрать в сражающемся королевстве столько боеспособных мужчин, однако посольство обязано выглядеть представительно. Оно таким и выглядело, без всякого сомнения, но почему-то на жителей города это не произвело особого впечатления. Поглазеют и отходят прочь, уступая место следующим. Это опытным глазом подмечал Тевтат и, разумеется, раздражался все больше. Вдобавок день выдался душный, безветренный, и в парадных доспехах было невыносимо жарко. Анарбод и Гриан как младшие по рангу могли хотя бы ехать по уставу с непокрытыми головами, а он должен терпеть тяжесть шлема. Ничего, он вытерпит. Эти наглые отъевшиеся торгаши должны видеть, что такое – настоящий рыцарь Галара!

Толпа послушно расступалась, слышав окрик скорохода, и посольство, несмотря на то, что на улицах, казалось бы, царил полный беспорядок, продвигалось довольно быстро.

Они выехали на рыночную площадь. За высокими кирпичными стенами торговых рядов колонны разноцветного камня высоко возносили сияющий купол.

– Это дворец? – хмуро полюбопытствовал Тевтат.

– Храм Неба, – отвечал Пару гордо, – самый большой в Огме. – Сравнить было с чем – храмы Неба имелись в каждом городе. – Это главный храм Дамгаля, вообще же каждая кол-

легия имеет собственный храм, всего до полусотни. Это не считая простых молитвенных и гадательных заведений. Жители Города благочестивы.

Именно так обитатели Дамгаля произносили: Город городов, а чаще – просто Город, но с такой интонацией, что чувствовалось сразу, о каком городе шла речь, да еще с этим своим неистребимым выговором, подчеркнуто раскатывая речь, словно любуясь звучанием собственного голоса, как любовались они всей принадлежащей им собственностью.

Они уже отклонялись от центра площади, мимо гомонящей толпы, к известной лишь законоговорителю да еще, может быть, мошеннику Ассари цели, вдоль торговых галерей чеканщиков, золотобитов, ювелиров, меховщиков, так странно глядящихся при воспоминании о Галаре. И еще одна странность: яркий пурпурно-серебряный щит с гербом Дамгаля на тусклой, с растрескавшимися и осыпающимися белилами стене, к которой прикованы люди – мужчины, женщины, подростки в грубых рубахах, босые, угрюмо склонившие обритые головы.

– Это еще что?

– Стена Позора. Здесь выставлены преступники: воры, банкроты, неверные жены, еретики, лжесвидетели...

– У нас в Галаре их бы казнили без лишней волокиты.

– У каждой страны свои обычаи, – вежливо заметил Иару, – и если ваше королевство приняло такой закон, значит, на то были свои причины. А в Городе городов законы мягки. Мы не караем смертью, разве что в исключительных случаях. Преступления наказывают Стеной Позора, покаянием в храмах, общественными работами, заключением и, наконец, ссылкой в отдаленные области. Пусть живут и трудятся на благо Города.

Разумеется, эти торгаши не имели никакого понятия о чести и достоинстве. Болтовня Иару утомляла.

– Хватит. В какой стороне дворец?

– О нет, высокий господин! Во дворце Верховных Коллегий вы будете приняты завтра. А сейчас мы направляемся в гостиницу, где вам будет предоставлено удобное жилье.

– Что это значит? Почему – завтра? Если это обман, ваш город дорого за него заплатит!

– Что вы! Не обман, нет. Но сегодня – день воздуха, неблагоприятный для приема посольств.

– Все демоны Юга! Что за бред?

– Не бред, а истина, известная каждому с младенчества. Любой поступок должно совершать при наиболее благоприятном движении стихий. Завтра – день камня, несравненно более способствующий успеху вашего дела...

– В Городе любят гадать, – вмешался Ассари, которого никто не спрашивал, – гадать обо всем и на всем. Видишь, господин, того старика на углу? Вот перед ним лежит пластина от панциря броненосного льва, на ней он предсказывает будущее.

– Разве в Сердцевине все еще водятся броненосные львы? – спросил Анарбод. – Вот уж никогда не слышал.

– Нет, конечно, господин мой. Вероятно, кто-то завез этот обломок из Круга.

– А право, жаль! Я бы хотел добыть броненосного льва. Говорят, латы из его шкуры не имеют равных по легкости и прочности.

– Кто знает, – учтиво сказал Иару, – может быть, когда-нибудь тебе это и удастся... Но броненосных львов и прочих чудовищ в Сердцевине давно уже нет... Их истребили в незапамятные годы, чуть ли не во Времена Сновидений... Это спокойные края. А сейчас проследуем к гостинице «Птица-единорог». Это хорошее заведение, надеюсь, высокородные господа останутся довольны.

«Птица-единорог» действительно представляла собой удобное и просторное подворье, однако вместить оно могло, как выяснилось, только самих послов и их охрану. Никто, конечно, и не рассчитывал, что конюхов и солдат поселят в гостинице. Им было предоставлено свобод-

ное помещение в находящихся поблизости казармах городской стражи. За счет города, кстати сказать. А заодно и под его контролем. Но об этом пока не хотелось думать.

Иару откланялся, и носильщики поволокли его прочь. Теперь можно было дать волю словам.

– Гнездо демонов! Коллегии верхние, нижние, средние и еще эти, как их... корпорации! Шута какого-то прислали... законоговорителя...

– Твоя высокая милость ошибается, – подал голос Ассари, который не убрался прочь вместе с другими слугами. – Законоговоритель – очень важная должность, очень. Я водил посольства. Далеко не каждое встречает сам законоговоритель.

– Они должны понимать, какую им оказывают честь, – заметил Анарбод. – Посольство Галара в страну, где даже нет настоящего правителя! «Предстоятель Верховных Коллегий» – аж не выговорить! – Титулование вызвало у него приступ неудержимого смеха. Отдышавшись, он пригладил пятерней свои рыжеватые волосы и продолжил начатую мысль: – А на самом деле правит банда разжиревших богачей, которые уж и не знают, что делать со своими деньгами...

– У них много солдат, – сказал молчавший весь день Гриан, младший их трех. Молчал-то он молчал, но подмечал все.

– Да, много, – согласился Анарбод. – И сильные с виду, как быки. Морды лоснятся... А вот каковы они в сражении?

– Надеюсь, – сухо промолвил Тевтат, – мы это узнаем.

Ибо Высокий Галар, королевство, где хранился древний Меч Закона, почитаемый как одна из опор мира, было настолько истощено постоянными войнами с сопредельными Лерадом и Кертой, что вынуждено было просить у презренного торгашеского Дамгаля заем: деньги, оружие и воинов. Для этого и прибыли в Город городов Тевтат со товарищи.

Пару направлялся во дворец с тяжелым сердцем, хотя день был как день, никаких дурных или зловещих предзнаменований. Вероятно, настроение портила мысль о галарском посольстве. Из казарм уже донесли об имевшей место ночной драке между посольскими и городской службой охраны порядка. Эти полудикари с севера не желают знать никаких приличий и нравственных норм. К счастью, обошлось без кровопролития и членовредительства. Хуже, если подобная драка завяжется на более высоком уровне. А избежать ее трудно. Иару знал это, и даже полученное вместе с утренней почтой сообщение о благополучной доставке подати из Круга не принесло обычного удовольствия. Все же он появился во дворце вовремя и с сознанием исполненного долга. Вид толпящихся внизу чиновников – искателей должностей – несколько успокаивал. Ничто не может помешать распорядку дня во дворце двигаться по обычной стезе.

На лестнице Иару раскланялся с Канги из судебной коллегии и Самму из академической. Учтиво беседуя, они плавно подошли к мозаичной колонне, на которой служители с утра вывесили сообщения о повестке дня и порядке заседаний.

1. Предоставление академической коллегии ученой работы «О происхождении основных языков Огмы и их отношении к древнему единому языку» на предмет содержания в ней еретических воззрений и отхода от Канона.

2. Прием коллегией внешних сношений посольства от королевства Галар.

3. Тяжба корпорации девиц легкого поведения со жрицами храма Радости с обвинениями в посягательстве на профессиональные права.

Следующие темы непосредственно ни к кому из собеседников не относились, и они до времени простились, пройдя каждый в свой зал заседаний.

Прежде чем подать решение по делу галарского посольства Канги, предстоятелю Верховных Коллегий, указанное дело требовалось тщательно разобрать в коллегии внешних сношений, и законоговоритель чувствовал, что ему потребуется приложить к делу весь имеющийся

у него запас терпения. Явление почти беспрецедентное: северные варвары прибыли в Город городов, не имеющий равных в Огме, достигший возможных вершин в политике, науках и искусствах. Последний раз нечто подобное было до присоединения Приморских земель, когда Город не был столь велик и блестящ. С тех пор проблема стала, пожалуй, еще острее. Впрочем, Харати, глава коллегии, несомненно, понимает это и сам... С такими мыслями Иару вошел в зал, на стене которого на пурпурном щите серебрилась четырехлучевая звезда. Лучи, узкие на концах, убегая назад, постепенно расширялись, сливаясь в центре, – четыре Опоры Мира, стремящиеся к Сердцевине.

И вот они идут по мозаичному полу зала, топча несказанно прекрасное творение рук сотен искуснейших дамгальских мастеров своими сапогами. Трое – посол и его помощники, капитаны правой и левой руки, как они называются на варварский манер. Тот, что впереди, – с головой, оплешивевшей от постоянного ношения шлема, с лицом, прореженным шрамами, рассеченное и сросшееся веко замуrowало левый глаз, и виден лишь правый, блекло-голубой, как почти у всех галарцев. Второй, справа, бледен обычной бледностью рыжих, он и в самом деле рыж, волосы у него длинные, прямые, немытые и растрепанные – вызов или небрежность? Третий, самый молодой, – худ, долговяз, впалые щеки, темно-русые волосы, хмурый взгляд из-под выпавших ресниц. Все трое в латах, но без шлемов.

Перед ними – советники коллегии с Харати во главе, Иару по соседству от него – крупные, широколицые, ширококостные, в бархате и атласе долгополых одежд, в сиянии драгоценных цепей, пряжек и колец.

В глазах и у тех, и у других – общее. Неприязнь. Не вырвется ли она ненавистью? Эта вечная ненависть северян к сытым горожанам Сердцевины... Разве могут эти скоты – торгаши, менялы, ростовщики – понять, что такое отчаяние, изматывающая усталость бесконечных боев, голод, безнадежность, ибо от демонов нет защиты? В свою очередь, горожане презирали рыцарей Галара, Дамгаля и Керты даже больше, чем безграмотных крестьян Круга, от которых по крайней мере есть ощутимая польза, а какая польза от вечно грызущихся между собой вояк? Воистину они ничем не лучше грязных дикарей Западных гор.

Трое остановились. Тевтат заговорил:

– Почтенные советники Дамгаля. К вам я прихожу со словами высокого короля Галара, имени которого, согласно нашим обычаям, не называют за пределами королевства, как не называют имени дневного светила. Галар – первое из государств Севера, страна меча Закона, Опора Мира осеняет наш край. Но многочисленные враги непрерывно истощают наши силы и опустошают наши поля. Город Дамгаль богат и славен. Ему платят дань все города Сердцевины. Его тень касается Вечного моря, и западные дикари не тревожат его границ. В его власти находится Круг – богатейший край Огмы – только его достаточно, чтобы наполнить казну любого из королевств. Помощь, которая нам нужна, не будет Дамгалью в тягость. И королевство Галар не останется в долгу.

Речь была чистой формальностью; все данные прошения Харати получил еще вчера через Иару. Он слушал с неподвижным лицом, устремив взор на противоположную от гербовой стену, где была помещена старинная карта владений Дамгаля, усеянная различными сигналами – значками подвластных городов. Чистой оставалась лишь южная часть карты, с виду напоминающая неправильной формы окружность. Эту область издавна так и называли – Круг.

Тевтат смолк. Советники загудели, забормотали. Повторялись слова «заем», «Круг»... поучить бы их манерам – эфесом по зубам! Сквозь общий шум Тевтат услышал голос главы коллегии:

– ...и все всегда ссылаются на Круг! Сказочные земли Круга! Страна изобилия! Рощи, полные плодов, и реки, кипящие рыбой, и урожай два раза в год... и чудовища в зарослях и омутах, и демоны пустыни, и Проклятые на границе. Так что трижды должен подумать тот, кто хочет разбогатеть в Круге!

– Что это значит? – резко спросил Тевтат. – Отказ?

– Ни в коей мере.

– Значит, вы согласны?

– Об этом еще рано говорить. Представление совершилось, и ваше дело будет подвергнуто рассмотрению. Оно слишком серьезно, чтобы решать его сразу. Мы должны подумать. Завтра мы вновь увидимся с вами...

На площадке Иару снова встретился с Канги и Самму. Те любезно поинтересовались, как прошло представление посольства. Тот лишь развел руками – что поделаешь, северные варвары, – и в свою очередь спросил, какие решения вынесены в их коллегиях.

– О, у нас до решений еще далеко, – сказал Канги. – Жрицы, равно как их соперницы, до тонкостей знают законы, и, похоже, процесс затянется надолго. Но профессиональные права есть основа всего, ими нельзя поступаться, так что их можно понять... А у тебя, почтеннейший Самму?

– Мы почти закончили. Работа изучена. Большого зла там нет. Опоры Мира от этого не рухнут... однако и малое зло не стоит распространять.

– Я думал, что с тех пор, как распущена школа Сангара Старого, нам нечего опасаться серьезной ереси.

– Хотелось бы верить. И тем не менее ядовитые ростки пробиваются... Но мы не будем строги. Автор останется в Академии. Однако пара дней у Стены Позора ему не помешает. И работу мы изыщем, потому что трактовка предмета в подобном свете должна неминуемо привести...

Они проследовали дальше.

Послы в сопровождении Ассари, отлично знавшего Город, ехали по улице. Тевтат и Гриан молчали, зато Анарбод бранился за троих:

– Все громы на их головы! Неужели в этом паршивом городе нет ни одного могущественного рыцаря, с которым можно было бы переговорить!

– Нет, – сказал Ассари. – Только коллегии, цеха и корпорации. Решают только они. Без них человек здесь – ничто. От уличного гадалщика или нищего под мостом до богатейшего купца или ювелира все – члены коллегий, которые делятся на гильдии, которые делятся на цеха...

– Рехнуться можно! Неужели во всех городах творится подобное же безобразие?

– В Сердцевине – да.

– А в Круге?

– Там нет городов. Там вообще нет больших поселений. Только деревни. Ну и Крепость, конечно.

– Какая крепость?

Ассари ответил не сразу, точно выбирал слова.

– Крепость Проклятых.

Гриан хотел что-то спросить, но тут заговорил Тевтат:

– Я должен посмотреть, как разместили наших воинов. Добирайтесь без меня.

Он подозвал своих оруженосцев и вместе с Ассари направился к казармам. Гриан и Анарбод принялись отыскивать дорогу в гостиницу. По пути Анарбод обратил внимание на сидящего на углу гадалщика.

– Глянь-ка, вчерашний! А может, и другой, они, похоже, все на одно лицо. Испытаем судьбу?

Гадалщик, сухонький старичок в сплетенной из веревок одежде, сидел, уставившись на лежащую перед ним пластину.

– Эй, старик! – крикнул Анарбод, не слезая с седла. – Скажи, какая судьба меня ожидает?

Старик поднял голову, взгляделся в рыцаря неожиданно ясным взглядом, провел рукой по обломку брони.

– Тебе предстоит попасть в страну, откуда привезена эта пластина... – произнес он с сильным местным выговором.

– А дальше?

Из рукава гадалыщика появилась глиняная чашка.

– За предсказания у нас платят.

Но Анарбод уже вертел головой и махал руками.

– Стану я на тебя, козявка, тратиться, когда здесь такие красотки ходят!

По другой стороне улицы шла женщина в зеленом платье. Зеленое же покрывало сползло ей на плечи, выбившиеся пряди волос ярко блестели в свете дня. В ушах позванивали спиралевидные серьги, на рукаве был вышит белый треугольник вершиной вниз – знак корпорации.

– Эй, красавица! – крикнул Анарбод.

Женщина улыбнулась, помахала ему рукой, но пошла дальше, бросив на ходу:

– Квартал Маруфа ждет тебя, рыцарь!

Анарбод прищелкнул пальцами.

– Видал, какая? Волосы – чистое золото!

– Крашенные, – равнодушно сказал Гриан. Он сейчас думал о другом.

Как выяснилось на следующий день, вопрос о предоставлении займа Галару еще не был решен. Слишком многое предстояло обсудить, сказал Харати. Хотя обсуждать явно собирались только члены коллегии. Тевтат держался твердо, решив не выдавать подлинных чувств. Каковы они были, Анарбод и Гриан могли только догадываться. Жители Севера по возможности стремились избегать называть свои имена незнакомцам, ибо каждый из них мог оказаться врагом и употребить имя во зло. В отвергшем все добрые обычаи Дамгале имена приходилось называть. И сознание того, что все эти сытые мерзавцы могут что угодно совершить с твоим именем, было равносильно пытке, а Харати витийствовал, поддерживаемый другими членами коллегии. Слишком многое должно повлиять на решение – прошлогодний неурожай, прервавшаяся торговля с кочевниками, проблема Проклятых, волнения в Приморских областях...

– Почтенный советник, – прервал его Гриан. – За два дня уже трижды я слышу о Проклятых. Кто они такие?

Наступила пауза, словно член посольства ляпнул что-то совершенно непристойное, о чем никогда не спрашивают в приличном обществе. И это удивило Гриана – ведь сам глава коллегии употреблял это слово без всякого смущения. Наконец Харати сказал:

– Так называют общину, обитающую на границе между Кругом и Южной пустыней.

Остальные закивали, одобряя эту краткую формулировку.

– Не может быть! – вмешался Харати. – Или Южная пустыня перестала быть гнездилищем демонов?

Харати сделал отрицательный жест.

– Но люди не могут жить рядом с демонами! – хрипло выкрикнул Гриан. – Или Проклятые... не люди?

– Они Проклятые, – коротко заметил кто-то из советников. – Этим все сказано.

– Мы отвлеклись, – холодно проговорил Тевтат.

Впрочем, возвращение к прежней теме оказалось таким же бесплодным. Может быть, потому что стоял день огня, не слишком благоприятный для дипломатических переговоров.

Зато он считался весьма благоприятствующим пирам и возлияниям, и в данном случае примета оказалась верной. Во время визита в казармы Тевтату удалось, кажется, примирить разошедшихся было собственных солдат и городских охранников, и примирение решено было вспрыснуть в «Птице-единороге». В тот вечер общий зал гостиницы был раем для гуляк, хотя

кое-кому мог показаться адом крошечным. Среди галарских офицеров восседал начальник казармы, именем Ловди. Скоро северяне убедились, что Ловди – огромный, краснолицый, лоснящийся – ничем не хуже их может опрокидывать в глотку всевозможные напитки, хватать за ляжки трактирных служанок, стучать кружкой по столу. И всем желающим, выгребая ее из бездонных карманов, одуряющую кору дерева аль. Вообще не так уж плохи оказались горожане при ближайшем рассмотрении, если, конечно, не называть им своих имен. Там же пребывал ухмыляющийся Ассари, весь день пропадавший неизвестно где. На дальних концах стола сидели попеременно солдаты и охранники, дело шло уже ко взаимным объятиям и лобызаниям, а может быть, и к новой драке, и хозяину гостиницы оставалось лишь подсчитывать в уме возможные убытки да гадать, оплатит ли счет коллегия внешних сношений.

Веселье, однако, портил Гриан, упорно старавшийся свести разговор на Проклятых. Вся его семья погибла от демонов, и брошенный вскользь на коллегии намек на некую связь между демонами и какими-то людьми не выходил из его ума. Ловди оказался не столь стыдлив, как советники, и отмалчиваться не стал. Тевтат не препятствовал ему говорить. На коллегии он не мог показать, будто чего-то не знает, но теперь не стал отказываться от новых сведений.

Ловди начал с того, что обвинил Проклятых во всех мыслимых, а заодно и немислимых грехах.

– Этого я вам описать не могу, – вещал он, – слов таких нет, стены каменные и те покраснеют, ежели назвать, какие они все сволочи, все вместе взятые и каждая в отдельности. Что там в Крепости творится – порядочному человеку и представлять негоже. Разбой, грабеж, убийства, разврат такой, что небу тошно... Свальный грех – это, можно сказать, самые цветочки еще, остальное говорить – скотину в соблазн вводить. Ну, некоторых по глупости это и тянет. Думают: попользуюсь и после смоюсь. Только эти бабы никого живьем не выпускают. За веселье плати шкурой.

– А демоны? – допытывался Гриан. – Как же демоны? Ведь для человека одно соседство с демонами смертельно!

– Вот и смекай! Если это так, а они живут себе и недохнут, значит, между ними и демонами есть какой-то договор... дележ добычи... может, пленных им скармливают... что точно – не знаю, врать не буду, но что-то такое есть – слепому видно темной ночью.

– Нет! Это выше разума! Не могут люди предавать людей демонам! – Гриан не мог больше говорить, у него перехватило дыхание, он откинулся назад, сжав руки в кулаки.

– Так то ж Проклятые! Пойми, дурья голова, прокляты они с незапамятных времен, еще при королях. И ежели она Проклятая, то все человеческое ей побоку, другие люди для нее ничто, одно зло и ничего больше.

– А что же это ты, приятель, – спросил Анарбод, осушив очередную кружку, – все время говоришь «какая», «ей», «она»? Что же, все это племя состоит из женщин?

Красное лицо Ловди побагровело еще больше. Он вскочил, явно намереваясь запустить своей кружкой в голову Анарбоду.

– Ты что, издеваешься надо мной?! – взревел он. – Или спятил вконец?

Анарбод схватился за рукоять меча. Но вспыхнувшую было ссору загасил Ассари, заматавшийся вокруг стола. Сначала он вцепился в Ловди.

– Посол вовсе не имел в виду оскорбить тебя, храбрейший. Он и в самом деле не знал – откуда им знать в Галаре?

И тут же перескочил к Анарбоду.

– Ты правильно угадал благородный рыцарь. Среди Проклятых нет мужчин. Там только женщины...

Повисло молчание. Северяне переваривали услышанное. Почему-то помалкивали и местные. И только, прислонясь к дверному косяку, плакала служанка, сначала всхлипывая, потом навзрыд.

– Что ревешь, дура? – снова заорал Ловди. – Или раззавидовалась? – и, понизив голос, обратился к Тевтату: – Потому и не принято говорить о них в Городе, чтоб никого в искушение не вводить. Потому что все зло от баб – все они шлюхи, ведьмы и воровки, а дай им волю – будут убийцами. А сколько там сокровищ скопилось, в Крепости-то, за сотни лет грабежей!

– А много их, Проклятых? – сухо спросил Тевтат.

– Не знаю. Не слишком, говорят. Даже из самых злобных баб армию не составишь.

– Так почему бы Городу, такому могущественному, не послать отряд и не покончить с этой язвой одним ударом?

– Да! – хохотнул Анарбод. Он уже успел снова выпить.

– Именно поэтому! Потому что для могущества Города было бы позорно связываться с гнездом грязных шлюх. Это было бы пятном на нашей чести!

– Замечательно! – сказал Тевтат.

И дальше веселье понеслось как положено – со стуком, звоном и визгом.

Выбрав удобную минуту, Тевтат приказал капитанам и Ассари выбираться из-за стола и следовать за ним. У себя в покоях он оглядел свою свиту. Осоловелые глаза Анарбода. Может стоять на ногах, но и только. Гриан почти не пил, но так переполнен злобой, что вряд ли в силах соображать. Остается лишь Ассари. Того, как и Тевтата, опьянение не взяло. Благое небо, что за сравнение! Рыцарь королевской крови, глава посольства и этот жулик, льстец, паяц... И он сейчас оставался единственным собеседником Тевтата.

– Послушай-ка, Ассари. Ты везде побывал, надо думать, и в Круге тоже. И о Проклятых наверняка знаешь больше, чем этот горлопан.

Проводник согнулся в поклоне, прижав руки к груди.

– Ты не солгал, сказав, что Крепостью владеют только женщины?

– Истинно так, милостивейший господин. Об этом все здесь знают, но предпочитают не говорить. Сам слышал – пятно на чести...

– Так. И отряд хорошо обученных воинов смог бы захватить эту Крепость?

– Такой, как твой, господин. Вероятно, смог бы. Но, – проводник поднял глаза на Тевтата, – скорее всего вы просто не дойдете до Крепости.

– Городские войска задержат?

– Нет. Им на это наплевать. – Пальцы, прижатые к груди Ассари, сцепились между собой, подобострастие странным образом начало утрачиваться из его голоса. – Просто добрые жители Круга отравят колодцы на вашем пути, или уведут лошадей, или устроят завалы на дорогах, или перережут вам глотки во сне...

– Они так кровожадны? – с издевкой спросил Тевтат.

– Нет, – почти беззвучно ответил Ассари. – Они все люди тихие, смирные. Но ведь Крепость – их единственное спасение...

2. Круг. Утро

Все произошло так быстро, что Ардви не успела испугаться. Кунда бросилась на нее с дерева, с длинного сука над лесной тропой. В последнее мгновение Ардви успела увернуться от скользких объятий. Два рубящих удара крест-накрест – и мертвая тварь валяется на земле, истекая слизью, у ног храпящего коня. И тут Ардви стало не по себе. «Второй раз за утро, не многовато ли?» – подумала она. Но броненосного льва у реки она срубила чуть ли не с удовольствием. Убила и бросила в гигантский муравейник. Когда синие муравьи как следует поработают над ним, панцирь, пропитавшийся кислотой, можно будет отдать в оружейную. Но то – броненосный лев, хищник столь же красивый, сколь опасный. Разумеется, красивый для тех, кто знает, где у него уязвимые места. Кунда же внушала отвращение. Огромный червяк с когтями... Ардви тронула поводья, глянула на тень дерева на тропе. Можно было бы заметить. Другая бы так не попала. Но она успела. А если бы не успела? Вот был бы позор для Крепости! Проклятых не убивают дикие звери. Проклятые могут погибнуть только в сражении. А если бы они еще узнали, что она временами испытывает страх? Самим-то им такое чувство незнакомо, их так взрастили...

Она выехала из леса. Вот и холмы. Еще немного, и она увидит дорогу. Степь была пустынна, никакой опасности не ощущалось, и Ардви снова задумалась.

...и опять эти сомнения! Они были понятны раньше, а теперь, когда она полностью посвятила себя Служению, после трех лет в Крепости, когда на ее счету есть два крупных сражения, а мелких стычек и не счесть, и новый безымянный меч, врученный ей Гейр, получил имя, – теперь-то зачем?

Нужно отдать им должное – это был редчайший случай, когда в Крепость приняли пришлую из Города. Долгая память жителей Круга, не привыкших полагаться на летописи, не сохранила ничего подобного. Может быть, никто никогда и не приходил, но она пришла и сумела остаться. И опять эта мысль – а Город? Может, правильнее было бы начать все сначала?

Когда ее судили в первый раз, приговор был удивительно мягким. Других ожидала высылка в отдаленные области, а ей перепали всего лишь сутки Стены Позора и публичное отречение родных. Должно быть, судей смутил ее возраст – ей не было тогда и тринадцати. Но все это можно было пережить, хотя отречение... не больно-то сладко, когда от тебя отказывается семья, несмотря на то, что к этому времени они уже успели отойти друг от друга. Отец есть отец, какой бы он ни был, а Оми, пусть и не родная мать, никогда ничего дурного ей не сделала, наоборот... Короче, школу разогнали, Ардви получила свое наказание, и можно спокойно жить дальше. Но она помнила слова учителя – свободный человек сам выбирает себе судьбу. И снова принялась за свое. Прежде всего, поскольку официально путь под родительский кров был ей заказан, поселилась в овечьем дурной славой доме Сангара Старого, куда опасались соваться фискалы из судебной коллегии, а после процесса избегали даже грабители, и попыталась восстановить хоть часть разрушенного после обыска и конфискации. Время шло, обритые волосы отрастали, брат и Оми по вечерам таскали ей еду, тайно, но, надо полагать, с молчаливого попустительства отца. Потом постепенно стали приходиться – сперва дети, потом и взрослые, сперва посмотреть на диковинки Старого, а потом послушать разговоры, а разговоры были почти те же, что и при Старом, – то, есть ли что-либо за Вечным морем, и почему запрещено строить большие корабли, и откуда приходят демоны, и какова их природа... И кончилось это, как при Сангаре, – арестом. Теперь ей следовало уже ожидать худшего. Но приговор снова был неожиданно мягким – должно быть, отец дал кому следует крупную взятку. И верно, отец есть отец, даже отрекшийся. Заточение и ссылка опять ее миновали. Назначено: неделя у Стены Позора и полугодовое покаяние в храме коллегии, к коему приписана от рождения. В общем, и это можно было пережить, но – ничто не может помешать человеку быть свободным.

В ночь после суда она выломала решетку из прогнившей стены в караульне, где ее заперли, и, обманув стражу на городских укреплениях, как часто делала в недалеком детстве, когда хотела поиграть, покинула Город и бежала к Проклятым.

Она сама не понимала, как ей удалось преодолеть Круг, не зная дорог и не имея другого оружия, кроме украденного в какой-то деревне ножа, пока ее не подобрал патруль Проклятых.

Теперь – кончено. Она подчиняется Служению и Гейр, все реже вспоминает брата и мачеху и еще реже – отца. Все же к лучшему, что они от нее отrekliсь... да они и не узнали бы ее, так она изменилась за эти годы. Она научилась обращаться с оружием, до которого не дотрагивалась дома – она, дочь оружейника! Научилась владеть своим телом так, как умеют только в Крепости. Но сомнения отметать до конца так и не научилась. Не в самом Служении, а в правильности своих поступков. Здесь, в Крепости, она признана своей, но одинока так же, как в Городе. Она нашла сестер по оружию, но не подруг. В Городе ее арестовывали, чтоб не говорила лишнего. Здесь она могла говорить что угодно, ее все равно никто бы не слушал. В Крепости не принято много говорить. В Крепости принято понимать друг друга с полуслова, а то и вовсе без слов. Что ж, она тоже так может. И отвергается всякое зло. Можно и так.

Без слов, без логики... и мысли стали бессвязны, словно она не прошла с детства школы Сангара... и, может быть, поэтому ее стало посещать воспоминание об одном разговоре с учителем. Они говорили об эпохе, называемой Временем сновидений, не сохранившей никаких письменных свидетельств, и Сангар процитировал одну из старинных книг, созданных до установления Канона: «Люди пришли в Огму со стороны моря, гоня с собой стада своих домашних животных».

– Но это же нелепость! – воскликнула она. – Как можно пересечь море, да еще со стадами?

– Кто знает? Может, тогда был перешеек, который потом исчез.

– А доказательства?

– Нет никаких доказательств. Я ведь говорил – записей Времени сновидений не существует. – И добавил странно прозвучавшие для детского слуха слова: – Мне иногда кажется, что мы – чужие в Огме, а чудовища, которых мы оттеснили на окраины мира, – свои.

Сангар никогда более не возвращался к этому разговору, и Ардви впоследствии, пытаясь заменить Сангара, никогда не говорила об этом с собственными учениками.

Она не хотела быть чужой. Нигде. И везде оказывалась ею. И всегда молчала об этом, потому что в Городе было принято скрывать свои мысли, а в Крепости принято скрывать свои чувства.

Сейчас учитель где-то в Приморье, и если он еще жив, то имеет возможность проверить свою догадку. А она... если бы кто-нибудь сказал ей, когда она, истощенная, грязная, держащаяся на одной злобе, пробиралась через Сердцевину и Круг, что со временем забудет, что такое злоба, она бы только расхохоталась в ответ. Но это так. Злобы нет. А страх порой возвращается.

Вдруг, еще ничего не увидев и не услышав, Ардви почувствовала близость неладного. Несколько мгновений – и она на гребне холма. И сразу же увидела вдали, на соседнем холме, мельтешащие фигуры. Вглядевшись, разобрала, что к чему. Разбойники, а их немало стекалось в Круг со всех пределов Огмы, здесь же не более десятка, облепили крестьянскую повозку. На землю летели какие-то мешки из рогожи. Человечек с бородой – отсюда совсем маленький – махал кулаками, стоя в телеге.

Ардви свободно вздохнула. В такие мгновения горожанка умирала в ней и оставалась только воительница Крепости. Все – мысли, чувства, страхи, сомнения – уходило, и взамен наступала благословенная решимость, пронизывающая тело, как ветер листву. Не отрывая глаз от дороги, Ардви вытянула свои меч Морион из ножен.

Это был третий поединок за утро.

3. Город. Разговоры и переговоры

День воды, день воздуха, день камня, день огня, день дерева – ни в один день дамгальского календаря не было заключено соглашение, ради которого посольство Галара проделало столь долгий и трудный путь. Но не было и отказа. «Совет коллегии все рассмотрит, взвесит и придет к наилучшему решению». «Дело рассматривается, вопрос движется сразу по нескольким коллегиям», – таковы были разъяснения.

– Они вас доведут до того, что вы сами сбежите отсюда, не дожидаясь никаких решений.

Это соображение Ассари, конечно, не рискнул бы высказать Тевтату. Просто побоялся бы, несмотря на всю свою наглость. Но язык у него чесался, и он сказал это Гриану, когда однажды вечером они остались за столом вдвоем, а остальные уже разбрелись либо были пьяны. Однако Гриан ничего ему не ответил, а может, и не расслышал, ибо пребывал в последнее время в самом дурном расположении духа и мало обращал внимания на то, что ему говорят. И все же Ассари, считавший себя если не умнее, то опытнее всех, недостаточно знал Тевтату. Какое там «сбежите»! Наступили праздники, все без исключения коллегии прекратили работу, а посольство не трогалось с места.

О праздниках в Городе городов следует рассказать подробнее. В них существовала какая-то сложная система, непонятная приезжим. В Городе справлялись праздники коллегий и корпораций. Были еще праздники храмовые, причем иногда у каждого отдельного храма, а иногда они как-то соединялись вместе, как сейчас. И тогда делопроизводство в Дамгале останавливалось надолго, а в ранг порядка возводилось доподлинное безумие. Тут и самый выдержанный из галарцев мог растеряться.

Помимо всякого рода жонглеров, канатоходцев, танцоров, глотателей огня, заклинателей змей и просто заклинателей, гадалычиков обоего пола, нищих и веселых девиц, которых и в обычные-то дни в Городе было предостаточно, на праздник со всех четырех сторон Огмы стягивались такие личности, что трудно было определить – люди ли это? – а может, это были просто ряженые, потому что ряженных тоже были полны улицы.

А начиналось все многочасовыми уличными шествиями. Шли представители всех корпораций, в пестроцветных одеждах, с хоругвями, украшенными блестящей бахромой и витыми шнурами, гремели барабаны, свистели флейты, были волынки, вели диковинных птиц и зверей, среди которых галарцы увидели знакомых – горного барса, например, имевшего, правда, довольно облезлый вид, а впрочем, кто их тут разберет, может, и среди зверей были ряженые, и среди ряженных звери. Катились праздничные колесницы, изображавшие разные разности – храмы, чудовищ, великанов, панцирных львов, летучих змей, на одной повозке был водружен огромный бутафорский демон, и толпа приплясывающих буффионов колола его копьями. Почему-то это зрелище ужасно разозлило Гриана, и он отказался веселиться с другими и вернулся в гостиницу.

Праздники продолжались, дела стояли, посольство не двигалось с места. Веселиться было бы не на что, но совет коллегий выделил посольству небольшую субсидию. Ее, правда, приходилось расходовать экономно. Цены в Городе были, мягко говоря, высоки. На время праздников храмы и увеселительные заведения предоставляли свои услуги бесплатно, но лишь тем, кто обладал всеми правами гражданина, а полноценным гражданином – положение, дававшее множество мелких льгот, – являлся далеко не каждый житель Дамгаля. Анарбод, уже не раз и не два побывавший в квартале Маруфа, выражал надежду, что большой наплыв приезжих собьет цены, на что ему возразили, что цены нельзя ни сбить, ни повысить. Они установлены раз и навсегда, как и все в Городе.

В то же время в гостиницу, надо думать, по указанию совета коллегий, вселились еще постояльцы, соседство с которыми могло кого напугать, а кого и просто покоробить, в зависи-

мости от вкуса, – кочевники с западных предгорий, прибывшие, дабы что-то получить с совета коллегий, а заодно и погулять на празднике. Что получить и за какие такие заслуги – не было возможности понять. Совет считал, будто покупает кочевников, чтобы они сдерживали натиск совсем уж диких племен дальнего Запада своей военной силой, а кочевники – будто сам Город городов выплачивает дань их могуществу, и обе стороны традиционно презирали друг друга. Подсчитать, сколько их понаехало, тоже было трудно – потому что одни жили в «Птице-единорге», некоторые разместились прямо во дворе, а иным определили жилье в разных концах города. Предводителя их звали Хрок, у них у всех были короткие имена; Ассари объяснил, что это вообще не имена – сокращения, а полное имя, даже титул вождя на едином языке означает: «Тот, чьи кони пасутся на лучших пастбищах, осененных небом». Понять, что они говорят, было нелегко, их язык изменился настолько, что основа едва угадывалась. Низкорослые, крепкотелые, рыжие, в одеждах из дурнопахнущих сыромятных кож, они то и дело попадались на глаза... Впрочем, в Городе, да еще в праздники, и не такое можно увидеть; оскорбительно было, однако, что благородное посольство высокого Галара словно бы равняли с этими дикарями. И все же Тевтат, сам Тевтат, при его-то гордости, дикарей словно бы и не замечал. У него появилась некая идея. И все время, пока посольство вынуждено было бездействовать, он эту идею всячески обдумывал, и казалась она ему все более привлекательной.

К тому дню, когда они снова оказались перед советниками, Тевтат уже был готов внести свое предложение.

– Господа советники, – сказал он, – поскольку наши переговоры, которые я уполномочен вести от имени королевства Галар, неоправданно затянулись, вас, надо думать, не устраивают условия нашего запроса. Данной мне властью я могу эти условия изменить, причем так, что они принесут Городу значительную выгоду.

Господа советники приготовились внимать.

– Во время одного из заседаний речь зашла о Проклятых. С тех пор мы узнали, что эта община причиняет большой вред Кругу, платящему вассальную подать Дамгалию, а равно и всей Огме. Я предлагаю; Галару выплачивается денежная помощь, а также оказывается помощь оружием и людьми. В качестве гарантий нами будет предпринят рейд против Проклятых.

Ему никто не ответил. Советники хранили молчание. Вероятно, испугались. Гриан и Анарбод переглянулись, тоже молча. Они не ждали такого от своего предводителя. Но в любом случае эта перспектива устраивала их больше, чем положение простых просителей.

Тевтат продолжал:

– По всей вероятности, за время, что Проклятые владеют Крепостью, там скопилось огромное богатство. Население Дамгалии ненавидит Проклятых, и наверняка найдутся добровольцы, которые пойдут с нами. Военная добыча будет поделена между Галаром и Дамгалем. Так, при нашем посредстве, вы освободите Круг от преступного гнезда на Юге и приобретете новые богатства.

Анарбод не выдержал – осклабился. Гриан задумчиво кивнул.

Наконец Харати прервал молчание:

– Твое предложение, благородный посол, не представляется мне разумным. Мир и процветание – вот основа мощи Города городов. Мы против войны с кем-либо, в том числе и с Проклятыми.

– Но ведь Проклятыми называли их вы!

– И мы, и мирные жители Круга, и обитатели всей Сердцевины. И они сами знают это прозвище и в безмерной своей гордыне принимают его.

– А они и в самом деле прокляты?

– Прокляты, – сказал Пару, законоговоритель. – Прокляты всеми храмами – от Верховного Золотого до храма Радости. Впрочем, есть секты, запрещенные, конечно, которые почитают Проклятых как жриц некоего неведомого божества, что является ужасной ересью.

– Так недалеко уже, – перебил его Харати, – до того, чтобы поклоняться демонам. Пару кивнул.

– Не исключено, что есть и такие. Храмовая коллегия как раз занимается выявлением подобных извращений.

Разговор начал склоняться не в ту сторону, и Тевтат яростно воскликнул:

– Но все, о чем вы твердите, только подтверждает мои слова! Если Проклятые так дурны и ненавистны Небу, их необходимо уничтожить и окончательно покончить с этой заразой!

– Высокочитимый посол не хочет понять, – сказал Харати. – Именно потому, что Проклятые так невообразимо дурны и отвратительны, Город не пойдет на них и детей своих, даже если они в неразумии своем возжелают этого, не пустит. Великий, сильный, священный и светлый Город городов – и грязное гнездо кровожадных развратниц! Несоизмеримо! Самая мысль об этом пятнает сияющий щит с гербом Города! – Он покраснел и говорил, пусть лишь слегка повышая голос, но словно бы через силу.

– Город городов никогда не имел никаких дел с Проклятыми и впредь не собирается до них снисходить, – четко вставил Пару, и Харати сделал утвердительный жест.

Глава коллегии уже успокоился.

– Я предпочел бы вернуться к переговорам на первоначальных условиях, – заявил он.

* * *

Возвращались в гостиницу в подавленном настроении.

– Труссы, трусы, трусы, – повторял сквозь зубы Анарбод.

– Я знал, что они трусы, – сказал Тевтат, – но я знал также, что они жадны и корыстолюбивы сверх меры. И от всей души надеялся, что жадность возьмет верх над трусостью. Выходит, я ошибся.

Гриан молчал. Тут же крутился и мошенник Ассари, явно желая что-то сказать.

– Похоже, – заметил Анарбод, – что они нас обманывают.

– Конечно, – не выдержал Ассари. – Конечно, обманывают, благороднейшие господа! Они всегда говорят одни и те же слова: «могущество Города», «позор нашей чести», и некоторые даже верят тому, что говорят, но все это – вранье, лопни мои глаза!

– А, что ты болтаешь! Сказано – трусы, и больше ничего.

– Нет, нет, не в этом дело, милостивейшие господа. Храбрецами их, конечно, нельзя назвать, но и дураками тоже. У Города большое войско, но он никогда не пошлет его против Крепости. И вовсе не потому, что боится за честь. Просто Город взывает подать с Круга, а Проклятые взяли Круг под свою руку. Не будет Проклятых – и в Круге наступит разорение.

Тевтат досадливо покрутил головой. Болтовня Ассари была для него так же непонятна, как теологические и политические рассуждения советников, и раздражала, как жужжание насекомого.

– Помалкивай, мошенник, – приказал он.

В «Птице-единороге», несмотря на позднее время, их ожидал большой переполох. Хрок стоял на галерее и что-то приказывал отрывистым, лающим голосом. Его подчиненные толпились во дворе, кое на ком одежда была порвана (а поскольку была она по большей части кожаной, для этого следовало изрядно потрудиться), физиономии расквашены в кровь, и все ожесточенно орали.

– В чем дело? – ледяным голосом осведомился Тевтат.

Ассари скатился с лошади и смешался с компанией кочевников. Он как-то умел с ними объясняться. Через короткое время он уже докладывал Тевтату о событиях, которые оказались не весьма возвышенными. Часть свиты Хрока угодила под стражу за погром увеселительного заведения в квартале Маруфа.

– Они пришли туда и хотели занять... а там уже сидела одна компания из местных. А местные этих страх как не любят. Опять же молодые, наглые, кровушка играет, и пошло, и пошло... Стали их ругать: и жалкие-то они, и плюгавые, траву жуют, и Проклятые-то больше похожи на мужчин, чем они... А эти сразу в драку, они слышать про Проклятых не могут, городские же Проклятых и в глаза не видели, а кочевники видели, да еще как...

Ассари продолжал рассказывать о том, как заварилось побоище и как вмешалась городская служба охраны и потащила тех, кто попался под руки, в каталажку, а под руки им попались, ясное дело, не свои. Хуже всего, что под арест попал родич Хрока, Съет, и для его вызволения Хроку придется отдать большую часть золота, полученного от совета коллегий... Но Тевтат уже не слушал. Он заметил, что Хрок со своей галереи смотрит на него. И он сам, не отводя глаз, вгляделся в вождя кочевников. Да, нехорош – приземист, рыж, кривоног... а те – сытые, дородные, трусливые, бесстыжие – они разве лучше?

– Пошли наверх, – сказал он своим капитанам.

Гриан сидел один в пустом зале гостиницы. Дел у него не было, развлекаться он не мог. Мешали воспоминания о Галаре и то, что он услышал здесь.

«Они заключили договор с демонами».

Демоны. Он никогда не видел их вблизи, потому что, если бы видел, его бы уже не было в живых. Отбиться от демонов нельзя. Не спасает даже самая крепкая броня или прочная кольчуга. Только сквозь каменные стены они не могут пробиться, поэтому жители трех королевств Севера и строили высокие каменные башни, в которых укрывались по приближении демонов. Благо камня на Севере в изобилии. Возможно, это единственное, чего там в изобилии. Все знают, что демоны рождаются на Юге, в пустыне Песка, но прямо с Юга они почему-то не являются. Они минуют Сердцевину, передвигаясь по окраинам мира. Откуда же они могут возникнуть, предугадать нет никакой возможности. Только успеть спрятаться. Те же, кто не успел укрыться в башнях... Он видел тела растерзанных демонами – и тела своих родных среди них.

Но иногда попадались умершие без единой раны, без всяких видимых следов насилия. Это всегда были сильные мужчины, могучие воины, в латах и шлемах, с мечами и секирами – и это было самое страшное. Их лица были чудовищно искажены, коже приобретала странный лиловатый оттенок, а тела разлагались быстрее обычного. Говорили, что демоны заморозили их своим взглядом, и это вступало в противоречие с другим утверждением – что у демонов нет глаз. Во всяком случае, не было никого, кто бы их видел, а те, кому удавалось разглядеть демонов из укрытия, замечали на мордах с висячими складками кожи только круглую пасть с острыми мелкими зубами. Быть может, там, за буграми плоти цвета грязи, и прятались глаза, может быть, они располагались в других местах, например, на кожистых крыльях, но Гриану не было до этого никакого дела; он не думал, а хотел убивать, убивать, если не демонов, то тех, кто каким-то непостижимым образом вступил с ними в связь.

Но уединение Гриана длилось не долго. Хроку все-таки удалось выкупить своего родича Съета и остальных из тюрьмы, и вечером все они собрались в зале «Птицы-единорога»: посольство после очередных неудачных переговоров и компания кочевников, лишившихся платы. Сначала возникла чреватая стычкой напряженность, но ее снял Анарбод, предложив Съету выпить за его освобождение.

– Как рыжий с рыжим, – сказал он.

Они и в самом деле оба были рыжие. Впрочем, этим сходство и исчерпывалось, тем не менее пирушка заварилась, как и в том случае, когда мирились с городской стражей. Но теперь люди посольства пообтерлись в Городе и чувствовали себя свободнее. Впрочем, и пришельцы с Запада, промочив глотки, стали более разговорчивыми, чем в начале. По их словам, драка в квартале Маруфа приняла такой ожесточенный характер из-за упоминания о Проклятых.

Кочевники ненавидели Проклятых лютой, упорной ненавистью, и сравнение с ними было худшим из оскорблений.

Услышав о Проклятых, Тевтат подсел ближе к Хроку и начал его расспрашивать. Тут же примостился и Анарбод, за ним потянулись и остальные; разумеется, не обошлось без Ассари. Нет, на Западе не верят, будто Проклятые – колдуньи, точнее, до этого там никому нет дела. Демоны? На Западе нет демонов. Должно быть, край защищает могущество Верховного храма Неба в Заоблачных горах. Хотя, признавая святость Храма, кочевники предпочитали иметь с ним как можно меньше дел. Что же касается Проклятых, то, как они считают на Западе, это просто женщины, не признающие власти мужчин, а так как участь женщин – быть рабынями ниже скота, ибо скот приносит больше пользы и стоит дороже, это обстоятельство вызывало у кочевников особую злобу.

– И молодые они? – плотоядно поинтересовался Анарбод.

Ему ответили неопределенно. Похоже, этому не придавали значения, единственно уделяя внимание владению боевыми искусствами и ненависти Проклятых, обстреливающих пришельцев из луков.

– Стрелки! – усмехнулся Тевтат. Как и все северяне, стрельбу из лука он презирал, считая достойным упоминания только ближний бой.

– О, в этом они тоже знают толк, – говорили ему. – Их оружие – меч, более длинный и широкий, чем у кочевников, но короче, и не такой массивный, как у северян. И оружие они берегут пуще жизни, так что мало кому из живых удавалось увидеть его вблизи. В плен они не сдаются, а если он неминуем, убивают себя, а убитых стараются вынести с поля боя, не считаясь с потерями.

– А на саму Крепость когда-либо ходили войной? – спросил кто-то из рыцарей-северян.

Заговорил Хрок. Он уже успел порядочно выпить, и Тевтат полагал, что его возбуждение объясняется именно этим. Однако же причины были другие.

Последним из больших походов союзных племен на Крепость предводительствовал отец Хрока. Это было давно, лет двадцать назад, Хрок тогда еще не достиг возраста воина, и его не взяли в Круг. Оттуда мало кто вернулся, но худшая участь постигла вождя. Его захватили в ловушку, увели в Крепость и там подвергли чудовищным пыткам. Хрок сбивался на диалект, и в его яростной речи, уже почти невнятной, можно было разобрать только отдельные слова вроде «Раскаленное железо», «крюк» и «колесо».

Ассари не успевал переводить и добавлял от себя:

– Что-то такое было, что-то я слышал про это... точно, его захватили и казнили.

Хрок завершил свою речь тем, что когда-нибудь он отомстит за отца, когда-нибудь, когда соберет достаточно воинов, а это не просто, ибо в большинстве племен у мужчин от долгого мира животы стали дряблыми, а сердца – трусливыми.

– А штурмовать саму Крепость не пробовали? – продолжал приставать все тот же въедливый. Его звали Эйкин.

– Нет, – отвечал Съет. – Бесполезно. У Крепости слишком высокие и крепкие стены.

– На всякую стену есть стенобитная машина, – уверенно заявил Эйкин. – Мы в Галаре это знаем.

Но его не поняли.

– Какие машины? – заорал Ассари, который с рядовыми рыцарями позволял себе значительно менее почтительный тон. – Они сроду не видали никаких баллист и стенобиток, ни на Западе, ни тем паче в Круге!

Тевтат внимательно слушал. Но разговор как бы переломился. Общее течение растекалось ручейками. Посол оглядел собравшихся. Анарбод хватал Съета за шиворот, выпытывая: «Неужто так ни одной и не попробовал? Нет, правда?» Хрок, окончательно упившись, сползал под стол, но рука его намертво вцепилась в эфес меча. Рядом с ним сидел Гриан. Он был

мрачен, кажется, трезв, молчал, прикусив губу. Напротив него Эйкин увлеченно чертил что-то ножом на столешнице. Ассари терся вокруг стола, лез во все разговоры, но его никто не слушал. А в общем, они как-то смешались... смешались... Нет! Этого он не хотел. Но союз... союз, вот что ему нужно.

И все же надежда на разрешение вопроса оставалась. Харати сам настоял на возвращении к первоначальным условиям. Однако Тевтат понимал, что сложа руки много не добьешься. Он вспомнил о Ловди, разговорчивом начальнике казармы, когда-то поведавшем ему подробности о Проклятых. Вызвал Анарбода, приказал найти Ловди, сводить в квартал Маруфа или в храм Радости, напоить и расспросить хорошенько. Анарбод охотно и с чувством выполнил поручение, но Ловди ничего определенного не знал и все валил на законоговорителя. Из того же при всей его многоречивости – Тевтат уже в этом убедился – клещами слова лишнего не вытянешь. Приходилось, как ни огорчительно, снова прибегнуть к помощи Ассари. Но, в конце концов, для чего еще созданы подобные человечки? В его честности Тевтат мог сомневаться, но не в его ловкости. Однако Тевтат приказал мошеннику воздержаться от высказывания собственных соображений, к чему в последнее время обнаглевший Ассари был склонен до полной потери приличия, а излагать только добытые сведения. Ассари, давно уже скучавший, обежал несколько храмов, побывал в банках и торговых рядах. Несколько дней пропадал на бирже. Что он там делал, равно как и для чего нужна биржа в Городе, где вроде бы установлены твердые цены, осталось неизвестным.

Поджидая Ассари, Тевтат после очередного раунда переговоров бродил по лестнице дворца коллегий, прислушивался к разговорам проходивших мимо людей, медлительных, степенных, в тяжелых от шитья одеждах, волочащихся по ступеням. Разговоры были непонятные.

– ...опаснее, чем у Сангара. Тот принимал в школу и детей, и подростков. А здесь только взрослые мужчины. Это не ересь, это скорее заговор.

– Ты считаешь заговор опаснее ереси? Но уничтожить его легче, чем искоренить последнюю. Тем более если яд проглочен ребенком.

– Во всяком случае, Стеной Позора ему не отделаться. Воззрения этого Гбадду столь радикальны, что в пору вспомнить, что в оны времена в нашем благословенном городе существовала смертная казнь.

– Да? А я вот не уверен, что через пару лет мы не будем лицезреть Гбадду в наших рядах. Случайно ли судебная коллегия и служба охраны оставляют без внимания собрания его сторонников, а сам он не скрывает их, а скорее выставляет напоказ? Кстати, мой почтенный друг, ты обратил внимание, что его сторонники по преимуществу не только молоды, но и невежественны...

Эти двое удалились, а другие говорили, что процесс храма Радости непомерно затягивается, и поступает масса жалоб от уважаемых людей, и какой-то Тюгти благодарил за избивание палками в соответствии с формой, причем он ли бил, его ли били, не угадывалось, и слушать это не было никакого терпения. Поэтому, вернувшись в гостиницу, Тевтат послал оруженосца к Хроку.

Племенной вождь принял приглашение. Похоже, что Хрок догадывался, к чему идет дело, и хотя не мог не испытывать некоторого презрения к Тевтату, как и Тевтат к нему, противоречий, судя по имевшей место беседе, несмотря на языковые различия, не должно было возникнуть.

Ассари все еще пропадал. На следующий день Тевтат попробовал было взять за глотку Пару, но тот, сложив на животе пухлые руки, упорно твердил, что дело передано в верховный совет коллегий и предстоятель уже полностью в курсе, а предстоятель не может не испытывать уважения к благородному посольству Высокого Галара.

Почти сразу после этого явился наконец Ассари и, узнав о сообщении Пару, заявил:

– Так, значит, скоро откажут.

– Что ты мелешь? А предстоятель?

– Предстоятель? Он решит то, что решит коллегия, имеющая наибольший вес в совете, а самой сильной в настоящий момент является торговая. Ей не выгодно помещать деньги в ваше дело. Надежды на прибыль никакой, а вероятность, что расходы окупятся, очень мала.

Тевтат был в бешенстве, хотя в душе был совершенно убежден, что и впрямь возвращать заем вовсе не обязательно.

– И это все, что ты узнал?

– Да прости меня твоя высокая милость...

Весь вечер Тевтат проговорил с Хроком. Видно, сама судьба свела их в трудный для Галара миг. Хрок не давал себе труд скрыть, что в Круг его влечет не только желание отомстить за отца и восстановить лицо, но и жажда пограбить. Пусть так. Пусть трясет Круг, если ему хочется. Но ему, Тевтату, сокровища Крепости нужны не для себя. Для Галара. Это единственная возможность заполучить то, в чем отказывает им Город. И без урона для воинской чести. И на сей раз уж точно – без отдачи. Это хорошо... Молодежь, конечно, алчет подвигов. Пусть. Тевтат знал, что капитаны безоговорочно пойдут за ним, и знал почему. Анарбода влекут слухи о чудовищной развращенности Проклятых, для него это все равно что отправиться грабить веселый дом. Гриан просто озлоблен, и злоба его ищет выхода. Но и это, и жадность Хрока – все в походе переплавится в чистое золото доблести.

Хрок с уверенностью утверждал, что с теми силами, что есть у Тевтата, даже если объединиться с воинами его племени, Проклятых не победить. Кто знает, сколько их там расплодилось. То есть для обычного набега сил, может быть, и хватило бы. Но он же, Тевтат, хочет взять Крепость и захватить казну. Это будет трудно, хотя они – доблестные воины, а Проклятые – всего лишь распутные девки (Хрок употребил какое-то свое племенное выражение, но смысл его, видимо, был именно такой). Хорошо бы заключить союз с соседним племенем, а лучше – с двумя. Раньше они колебались, но теперь, увидев, что Круг идут грабить аж с дальнего Севера, они, спохватившись, что им ничего не достанется, не преминут присоединиться к походу.

Тевтат был согласен. Этих же кочевников, испытав их в деле, можно будет использовать и в качестве наемников в военных действиях против Керты. То-то у тамошнего Хеварда рожа вытянется! Да, решение найдено. Поэтому, когда Пару сообщил Тевтату о решении предстоятеля, он мог лишь подивиться выдержке, с которой посол Галара встретил отказ. На самом деле Город городов и его чиновники Тевтата уже не интересовали. Остаток своего пребывания в Дамгале он провел, обсуждая с Хроком, Съетом и капитанами детали своего перехода к Западным предгорьям. И только в последний день он заметил отсутствие Ассари. На его вопрос кто-то из воинов ответил, что Ассари не выдержал безделья, нанялся проводником к заезжим купцам и отбыл с ним в Приморье. Это известие не тронуло Тевтата. Теперь ему не нужен был проводник.

4. Круг. Встречи

Ночной дозор прошел без происшествий, и Элме гнала коня к Крепости, тяготясь нерас-
траченными силами. Ни одного разбойника, ни демона, прорвавшего внешнюю защиту! Ну
что ж, не в этот раз, так в другой, наше от нас не уйдет. Щит она забросила за спину, меч
был удобно пристоеен у бедра, взгляд привычно прощупывал пролетающий вдоль тропы мир –
темные рощи на холмах, редящие по мере приближения к Крепости, круглые дома хуторян,
стаю многоглазов, неуклюже пробирающуюся к водопою. Она переправилась через много-
водную Хеду. В этих местах река почему-то не меняла ежегодно своего течения, что нередко
случалось в Круге, и можно было не тратить время на поиски брода. Где-то вдали Элме чутким
ухом уловила шум мельничного колеса. Это напомнило о Пришлой, и в душе Элме шевель-
нулось раздражение. Но она не захотела дать ему волю. А вдали уже темнели циклопические
стены Крепости, неизвестно когда и кем построенной. Неизвестно было и ее первоначальное
название. Теперь их было у нее два – Крепость Спасения и Крепость Проклятых.

Навстречу ей тянулось несколько пустых крестьянских подвод, и погонщики, заведя
Элме, начали наперебой кланяться. Это были поставщики, проверенные люди, ввозившие в
Крепость руду и муку, кожу и холсты, бочки с пивом (более крепкие напитки в Крепости не
были в употреблении, вином поили только больных и раненых, а здоровым лекарство ни к
чему), овес, канаты и кузнечные инструменты. За эти подарки жители Круга, разумеется, не
получали никакой платы. И тем не менее они не считали их данью в отличие от дани, выпла-
чиваемой Городу. Во-первых, эти поставки были гораздо меньше городской дани, а во-вторых
и в-главных – польза Крепости была очевидна, а Город – хоть бы и вовсе не было его.

Элме смотрела на обозников с видом неизмеримого превосходства, с тем особым выра-
жением Проклятых, которые взирают на все словно бы с высоты Крепости. Это пресловутое
чувство превосходства не означало, однако, что Проклятые сами не трудились. Все они умели
сшить себе одежду, сами готовили пищу, ходили за лошадьми и делали оружие. Но это было
не главное. Главным было Служение. Только Служение делало Проклятых Проклятыми.

Сторожевой пост на башне давно заметил Элме. Ворота открылись, и она въехала во двор.

Крепость была огромна. Ее башни в состоянии были разместить по крайней мере полу-
торатысячный гарнизон, а многочисленные погреба, подземные ходы и колодцы давали воз-
можность пережить любую осаду. Но за все это время, что Проклятые жили здесь, лишь два-
жды враги осаждали Крепость. Но это происходило много поколений назад и давно вошло в
число преданий Круга.

Внутренний двор Крепости, больше напоминавший площадь, служил плацем, где уче-
ники разных возрастов изучали боевые приемы под руководством опытных наставниц –
сегодня это была Хлек – и гоняли лошадей на корде. Среди самых младших Элме заметила
Гейрит, дочь Гейр.

В глубине двора к одной из башен лепился небольшой храм Неба, выстроенный самими
Проклятыми из обожженных глиняных кирпичей. В Круге господствовала древнейшая рели-
гия Огмы с ее почитанием стихий. Здесь, как и в Дамгале, не было представлений о божествах
(точнее, в Городе они существовали, но лишь в качестве ересей и карались законом), однако
обычаи Круга не замутнялись сложными и помпезными ритуалами Города городов. Верили в
Небесную Охоту для убитых в бою и Подземные Чертоги для умерших своей смертью. Кроме
того, крестьяне Круга знали множество лесных, речных и болотных духов и умели с ними
обращаться, а Проклятые одушевляли оружие. Вообще же религия занимала очень мало места
в жизни Проклятых. Вместо религии было Служение, а храм в Крепости, с виду воспроизво-
дивший деревенские, изнутри больше напоминал лазарет и аптеку, где занимались делом те,
кто по каким-либо причинам – возрасту или ранениям – не выходил более в поле.

Далее тянулись склады, в которые сейчас грузилось то, что привезли поставщики. Грузили тоже сами, предпочитая не впускать в Крепость посторонних, как бы преданны они ни были. Не потому, что было что скрывать, а просто по обычаю. Обычаи чтились в Крепости так же, как во всей Огме. Руководила работами по разгрузке Ауме, сестра Элме. Они были близнецами и наружно ничем не отличались друг от друга, словно подтверждая суеверие крестьян Круга о тождестве всех Проклятых. Однако в Крепости сестер никто никогда не путал. Все Проклятые считались по обычаю сестрами, но близнецы среди них попадались не так уж часто, а среди здравствующих в общине других таких больше не было. Кроме того, у сестер Элме и Ауме было еще одно отличие от всех остальных (если не считать, возможно, Пришлой) – они видели своего отца.

Проклятые, конечно, не были ни завзятыми развратницами, каковыми их официально провозглашали, ни чистыми девами-жрицами, какими их считали некоторые идеалисты из Города. Все обстояло гораздо проще. Браки были запрещены, однако община обязана жить. Поэтому не возбранялось родить ребенка от кого угодно и оставить его при себе – при условии, что это будет девочка. Мальчика должен был забрать отец. Кроме того, когда в некоторых семьях Круга, особенно многодетных, не могли быть вскормлены новорожденные девочки, их относили в Крепость и оставляли там навсегда. Разумеется, такая девочка, вырастая, считала своей матерью общину, своих родителей по крови не знала – равно как и они ее. Понятно, что при таком приросте населения количество Проклятых даже в лучшие времена – для Крепости, для Круга эти времена, как правило, оказывались худшими – не превышало двух сотен, а сейчас в Крепости, за исключением ветеранов и малолетних, было 128 боеспособных воительниц.

Таков был обычай, и если кто не хотел ему повиноваться, тем хуже для него. Мать Ауме и Элме погибла в какой-то незначительной войне с кочевниками, когда близнецы были еще совсем малы, а через некоторое время объявился их отец, воин-горец, и потребовал, чтобы ему отдали его детей. Никто, конечно, этого не сделал. Его даже в Крепость не пустили, но он не успокоился, не уехал, рыскал вокруг Крепости и, как и следовало ожидать, был убит одиночным демоном, прорвавшимся сквозь внешнюю оборону.

Элме было четыре года, не больше, но она отчетливо помнила отчаянно жестикулирующую фигурку у огромных стен Крепости, и воспоминание это, внезапно подступая, наполняло ее чувством жгучего стыда, хотя никто никогда не попрекнул ее за пережитое унижение. Она надеялась, что о том постыдном происшествии все забыли. Скорее всего так и было.

Спешившись, Элме взяла коня за повод и кивнула сестре.

– Пришлая тебе не встретилась? – крикнула та со своего места.

Элме сделала отрицательный жест и направилась к конюшне. Она вновь помрачнела. Почему Ауме спросила о Пришлой? Элме недолюбливала ее. Не потому, что были какие-то причины. Нет. И в то, что Пришлая может предать, струсить или нарушить слово, Элме тоже не верила. Таких вообще нет в Крепости, и Пришлая приняла ее законы. Так сказала Гейр, старшая над Крепостью, хотя Пришлая не совершила даже одиночного странствия, обязательного для каждой Проклятой, входящей в возраст. Но Гейр сказала, что переход через Сердцевину и Круг стоят одиночного странствия. Гейр мудра, ее слова не обсуждаются. И все же нечто чужое в пришлой осталось. Правда, свои непонятные разговоры она прекратила и не пытается более смущать умы сестер общины. Но не раз Элме видела, как Пришлая сидит совершенно одна, и при этом лицо у нее такое, будто ей рассказывают необычайно занимательную историю. Глаза зашурены, как от смеха, зубы скалит, ну чему она радуется, чему? А хуже всего эта история с мельницей. Ну, сожгли разбойники мельницу, ну, перенес ее владелец на другое место, построил ни с того ни с сего запруду на Хеде, и не стоило бы говорить об этом, но, проезжая мимо, Элме увидела среди строителей Пришлую. Ее конь был привязан к дереву, сама она была без шлема и щита, в руках держала какую-то нелепую деревянную полоску и со смехом указывала на нее остальным. Элме даже собиралась доложить об этом Гейр... но

не сделала этого. В Крепости не доносят на своих. Однако оттого, что Элме сама добровольно отказалась от задуманного, неприязнь стала еще острее. И вот теперь Ауме, ее близнец, спрашивает о Пришлой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.